

Литературоведение

УДК 821.352.3.09 «1992/...»

ББК 83.3 (2=Ады)6

А 95

Ахметова Д.А.

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры адыгейской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: ahmetova.juljeta@yandex.ru

Изображение эпохи и его значение в художественной реконструкции образа Хан-Гирея в романе Исхака Машбаша «Хан-Гирей» (Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается изображение эпохи и его значение в реконструкции образа главного героя; выявляется новаторский подход в художественном осмыслении выдающейся личности адыгской истории и культуры; подчеркиваются особенности историзма в изображении героя и его времени в романе «Хан-Гирей»; излагаются результаты осмысления драматической жизненной судьбы и личности Хан-Гирея, вписанных в историческое изображение эпохи. Установлено, что впервые в адыгской исторической романистике создан художественный образ героя как выдающейся личности с ее многогранными человеческими параметрами.

Ключевые слова:

Адыгская историческая романистика, реконструкция исторического персонажа, изображение эпохи, историзм, драматизм, ретроспекция.

Akhmetova D.A.

Candidate of Philology, Senior Lecturer of Adyghe Philology Department, Adyghe State University, e-mail: ahmetova.juljeta@yandex.ru

Reflection of an Era and its value for the art reconstruction of the character of Khan Girey in Iskhak Mashbash's novel «Khan Girey»

Abstract:

This paper sheds light on how reflection of an era can play an important role in the reconstruction of an image of the main character. The present research focuses upon innovative approach in art elucidation of the outstanding person of the Adyghe history and culture, emphasizes features of historicism in a representation of the hero and his time in the novel «Khan Girey» and describes the results of research of dramatic vital destiny and the personality of Khan Girey, put down in the historical reflection of an era. It is inferred that for the first time in the Adyghe historical romance philology Iskhak Mashbash created the artistic image of the hero as outstanding personality with various human parameters.

Keywords:

Adyghe historical romance philology, reconstruction of the historical character, reflection of an era, historicism, dramatic nature, retrospection.

Роман «Хан-Гирей» отличается своеобразной композицией: образ героя, выразителя национальной идеи, вписан в целый массив историко-художественного повествования, создающего образ времени (начало XIX века). По справедливому замечанию Н.Хуажевой, в произведениях на историческую тему конца XX века «возрастает интерес к отдельной человеческой личности, ее духовному миру, ее психологии. Акцент переносится на характер героя, который уступает свое давнее право быть примером для подражания и неотступно привлекает внимание к своей драматической судьбе, к своим противоречиям, отражающим столь же драматическую связь между личностью и историей» [1: 53].

И. Машбаш своеобразно преломляет европейскую и русскую традиции романа в истории формирования личности молодого адыга в атмосфере законов «адыгэ хабзэ», правил аталыка Мэрчана и благотельно-строгих уроков бабушки-княгини Канитат, воспитывающих качества адыгской ментальности. Проследование этапов становления личности Хан-Гирея отличается обращением к приемам лирического психологизма.

Драматизм жизненной судьбы и личности Хан-Гирея вписан в историческое изображение эпохи. Её временные-пространственные координаты – 30-40-е годы XIX века, Северный Кавказ, Россия, Санкт-Петербург, Тифлис, Польша. Исторические события – восстание на Сенатской площади, Калаусская битва, русско-персидская война, военные действия в Польше, миротворческая миссия князя Султанова на Кавказе. События вплетены в сеть конфликтов разного плана. Их сердцевина – черкесско-русские отношения, проявляющие свой драматизм на всех уровнях: личностном, семейном, дипломатическом, общественном. Исторический фон расширяется за счет введения в него фигур реальных разнонациональных персонажей – от черкесских и екатеринодарских «людей власти», до образов царя и его сановников.

Особую группу лиц составляют представители духовно-интеллектуального горского и петербургского слоя (Шора Ногмов, Султан Казы-Гирей, Пушкин, Греч, Сенковский). Не все герои точно соответствуют своим реальным прототипам, что является доказательством особой трудности реконструкции исторических персонажей. Образ Хан-Гирея не избежал рецидивов этих трудностей, например в изображении любовной линии отношений взрослого героя. Зрелый период (петербургская жизнь, два года пребывания на родной земле) – время стабилизации патриотического национального мировоззрения героя через интеллектуальное осмысление черкесской истории и этики, расширение политического кругозора и культуры. В этом процессе много значит литературно-историческая работа Хан-Гирея над «Записками о Черкесии», крепнущая связь с кавказскими российскими писателями, горскими просветителями.

С расширением общественного фона жизни народов её ритм меняется, управляемый растущей напряженностью межнациональных и международных отношений на Северном Кавказе. Двенадцать черкесских племен во главе со своими вождями, так или иначе вовлекаются в борьбу с казачьими войсками по правобережью Кубани, а подчас с турецким эмиссаром Хасаном-пашой, нередко – в конфликты между отдельными черкесскими предводителями относительно стратегии сопротивления казакам и туркам. И. Машбаш убедительно показывает, что особых разногласий между черкесскими племенами, касающихся необходимости объединения сил для дружного отпора врагам, не было. Но в конкретных попытках выбора стратегии борьбы, т.е. в её тактике, руководстве ею – единогласия не удавалось достичь. Примером служит ряд военных ситуаций в Прикубанье и Шапсугии начала XIX века. Их отсчёт идёт в романе с момента шапсуго-натухайского собрания –

преддверия Калаусского сражения.

Историзм придан изображению благодаря, во-первых, точности обобщения характерных основных тенденций эпохи, во-вторых, художественности их сопряжения с конкретикой образного изображения реальных и вымышленных персонажей, в-третьих, мастерскому использованию документов своего и позднейшего времени. Главное – трансформации эпических традиций посредством обогащения их современными художественными приемами автора-художника, философа и публициста.

Исторических моментов и эпизодов в романе «Хан-Гирей», связанных с Хан-Гиреем, немного: автор описывает лишь Калаусскую битву, восстание декабристов на Сенатской площади в Петербурге, военные кампании русско-персидской войны и в Польше, в которых участвовал герой, некоторые эпизоды, связанные с историей миссии на Кавказе. Эти события непосредственно наложили печать на тот отрезок исторического времени, что выпал на долю короткой жизни Хан-Гирея, и помогли автору романа высветить своего рода кульминационные точки его неординарной жизни.

Так, Калаусская битва с казаками бедой обернулась для адыгов: утонуло в лимане более 20 знатнейших князей и 1200 всадников, не считая погибших в камышах и на поле. На казачьей стороне потери были незначительными: 5 человек убито, 14 человек ранено. И месть противнику оказалась жестокой. Ссылаясь на книгу В.А. Потто «Кавказская война», Машбаш свидетельствует: «Генерал Власов, узнав о тысячах адыгов, сопровождавших Хасан-пашу, принял решение о нанесении упреждающего удара, собрал войско, бросил его на Шапсугию. В течение трех дней были разгромлены и сожжены десятки селений. Без особых потерь вернулись на Кубань. Это случилось 2 февраля 1832 года» [2: 363].

Здесь и далее автор обращается к выработанной им методике подтвержде-

ния собственного повествования, облаченного в «лица» и фигуры участников событий, цитированием используемых историками фактов. Они-то и выступают в роли документов, которые автор дает в изобилии в постраничных примечаниях.

Однако в последующие события автор вводит Хан-Гирея, делая его точку зрения на событие, как участника и очевидца, наиболее важной и для характеристики героя, и для индивидуализации его наблюдений за общей картиной.

Эта ретроспекция истории непосредственно связана со вторым этапом жизни и деятельности Хан-Гирея – службой в качестве офицера лейб-гвардии императора Николая I. Этому драматическому этапу И. Машбаш посвящает вторую половину своего романа, начиная с пятой главы.

Другое событие – восстание декабристов на Сенатской площади 14 декабря 1825 года – наблюдает юный Хан-Гирей в составе группы кадетов, собранных для торжеств на Сенатской площади и ставших очевидцами мятежа. Героя характеризует собственное мнение о событии: «...я не стану оплакивать тех, кто поднял руку на царя...» [2: 374]. Для Хан-Гирея декабристы были бунтовщиками, на них всех он перенес свое мнение о преподавателе кадетского корпуса Боброве, который 14 декабря «подался к бунтовщикам». Ничего, кроме брезгливости, не испытывал он к этому человеку» [2: 569].

Став офицером Кавказско-горского полуэскадрона, Султан Хан-Гирей принимал активное участие в нескольких военных кампаниях своего времени – в русско-персидской войне и в военных действиях в Польше. Это дало право автору высказать следующую сентенцию, отнеся ее к страницам военной биографии своего героя: «Верно говорят: все лучшее в человеке проявляется в суровых испытаниях. На войне у мужчины ярче всего, точнее и определеннее видны мужество, самоотверженность, верность, милосердие и любовь к ближнему, к своей родине. Все эти каче-

ства проявились у Хан-Гирея на русско-персидской и русско-турецких войнах, откуда он вернулся в чине поручика с боевыми наградами, с благодарностями от военачальников Меньшикова и Петровского, у которых служил адъютантом» [2: 508].

Однако военные события нанесли Хан-Гирею серьезные морально-физические раны. Во время русско-турецкой войны погибает его старший брат по отцу Крым-Гирей. Ранит недоверие со стороны черкесов и высокомерное равнодушие к планам героя со стороны императорской знати. Так, пророссийски настроенный Хан-Гирей размышляет по пути в Екатеринодар: «По Адрианопольскому мирному договору, заключенному между Россией и Турцией, Черкесии, вроде бы, как и вовсе не существовало – ни о чем у черкесов не спрашивали, ни о чем не советовались с ними, словно эта очень красивая, богатая полями, горами, лесами и водами земля была безлюдной. Хотя она и не принадлежала Турции, султан почему-то подарил ее России. Я – офицер русской армии, горячился про себя Хан-Гирей, но я еще и адыг! Мой дед и старший брат погибли в боях за Россию, моего отца убили за то, что хотел мира с ней. Мы, адыги, должны жить в добрососедстве с Россией, но и она должна думать об этом, искать полюбовного мира...» [2: 509]. С такой позицией Султан Хан-Гирей входит в большую, полную интриг политику, которая, по его мнению, должна изменить жизнь адыгов.

Предмет мыслей и рассуждений героя – всегда в центре мировидческих нравственных проблем: прежде всего война и политика вокруг нее и в связи с ней человек на войне, восприятие этических категорий в связи с ментальным и социальным статусом человека; религия, вера, родина, кодекс чести офицера и солдата; наследственные и сословные законы жизни. Уроки мужества и стоицизма, воспринятые Хан-Гиреем с юности, остались на всю жизнь. Размышлял он культуре и эти-

ке человека, о значении родного и иных языков для духовного становления личности; о том, что движет людьми, почему с таким трудом им дается осознание путей к истине и добру. Мысли о конкретных фактах невольно вплетаются в обобщения – о войне, о мире. Важны для понимания высокой духовности Хан-Гирея его выводы: главные противники адыгов и русских – это узконационалистические соображения. Лейтмотив мыслей зрелого героя – необходимо двум враждующим народам предпочесть «союз двух древних народов».

Изучение подробностей приезда царя, изложенных в воспоминаниях Филиппсона (в ссылочном аппарате романа), позволяет подтвердить мотивацию Машбаша о причинах срыва переговоров. Автор останавливает внимание на таких моментах, которые объясняют цель приезда царя на Кавказ и его ориентацию на встречу с черкесской депутацией, подготовленную миссией Хан-Гирея. Что касается отношения Николая I к своему флигель-адъютанту, то оно было, по описанию автора, холодным и для Хан-Гирея оскорбительным. Царя возмущало сначала опоздание на встречу, а потом и отсутствие горской депутации, расцениваемое им как намеренное неуважение не только к нему, но и к «великой России». Он дал понять Хан-Гирею, что и миссия, которую тот возглавлял, никому здесь не нужна.

Развитие событий это подтвердило. После поездки императора России на Кавказ «пламя войны вспыхнуло с еще большей силой», а вместо ожидаемого горцами наказания Вельяминова за жестокость карательных действий царь наградил его орденом Александра Невского. Хан-Гирей считал теперь свое пребывание в Черкесии не только бессмысленным, но и вредным для его репутации. Он стремился уехать в Петербург, но право на возвращение ему не присылалось. Между тем здоровье Хан-Гирея ухудшилось. Его стали угнетать боли в спине, судороги правой руки и ноги – симптомы неизлечимой болезни,

следствие полной опасности жизни и последствий ранений. Но как только генерал Граббе сообщил Хан-Гирею о его вызове военным министром Чернышевым, он тотчас же выехал в Петербург с последней надеждой помочь делу, но оказался не нужным. Об этом свидетельствует и лицемерие императора и Бенкендорфа, отправлявших Хан-Гирея для лечения в Пятигорск, желавших ему скорого выздоровления и возвращения. На самом деле правительство расценивало Хан-Гирея как опасного для России человека, за которым необходим негласный надзор, потому что идея Черкесского государства была неприемлема для самодержавной России. История этого вопроса рассматривается, в частности, в издании «North Caucasus Barrier. The Russian Advance Toward the Muslim World»[3] («Северо-Кавказский барьер. Российское наступление на мусульманский мир») под редакцией известного советолога М.Беннигсен-Броксуп (M.Bennigsen Broxup), вышедшем в Лондоне в 1992 году.

Хан-Гирей искренне желал прочного союза адыгов и русских, верил, что и царь желает того же и делает все, чтобы эта идея воплотилась в жизнь. Однако все усилия дипломатии Хан-Гирея оказались

тщетными: ни российская сторона, ни адыги не хотели понять его. В итоге царь использовал Хан-Гирея в своей политической игре, превратив его в предателя интересов адыгов и отказывая ему в доверии. Стабилизация мировоззренческих основ духовного мира Хан-Гирея проходила в драматических коллизиях его служебного положения (флигель-адъютант при царском дворе) и недоверия к его деятельности черкесского общества на родине. Все усилия дипломатии Хан-Гирея были направлены на укрепление прочного союза адыгов и русских. Однако ни российская сторона (в лице императора и его окружения), ни адыгская не хотели понять героя, воспринимали как предателя интересов своего народа. Предсмертные слова Хан-Гирея были горькими: «Ни те, ни другие... не поняли». Эта трагедия духа стала причиной ранней смерти героя.

И. Машбаш впервые в адыгской исторической романистике создал художественный образ героя как выдающейся личности с её многогранными человеческими параметрами. Изложение дел и духовно-нравственной жизни Хан-Гирея талантливо вписано в пространственный и убедительный по своей основательности очерк эпохи.

Примечания:

1. Хуажева Н.Х. Художественная концепция личности в романах об историческом прошлом А. Евтыха // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2011. Вып. 4. С. 52-56.
2. Машбаш И. Хан-Гирей. Майкоп: Адыгея, 1998. 832 с.
3. North Caucasus Barrier. The Russian Advance Toward the Muslim World / ed. by M. Bennigsen Broxup. London, 1992. 332 p.

References:

1. Khuazheva N.Kh. The literary conception of a person in novels about A. Evtykh's historical past // The Bulletin of the Adyghe State University. Maikop, 2011. Iss. 4. P. 52-56.
2. Mashbash I. Khan Girey. Maikop: Adygheya, 1998. 832 pp.
3. North Caucasus Barrier. The Russian Advance Toward the Muslim World/ed. by M. Bennigsen Broxup. London, 1992. 332 pp.